МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 78

Сборник статей

Посвящается 140-летию
Томского государственного университета
и 120-летию юридического образования в Сибири

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

мосвязи. Не только результаты распознавания имеют важное значение для идентификации, поскольку позволяют ограничить круг объектов при производстве идентификационно-поисковой деятельности, в идентификационном процессе, но и результаты идентификации могут способствовать решению задачи распознавания. Так, если исследованию подвергается многосоставный объект (например, документ), то идентификация составляющих его компонентов позволит установить факт внесения изменений в первоначальное содержание документа, если оно имело место, т.е. решить вопрос о его состоянии (подлинности).

Распознавание нужно отграничивать и от установления группового тождества, которое является этапом идентификационного исследования и согласуется с его общей схемой и конечными целями. В.Я. Колдин подчеркивает, что «групповая и индивидуальная идентификация – это не различные процессы, а различные уровни одного и того же процесса индивидуализации, имеющие различное значение в процессе доказывания»[1]. В связи с этим данный процесс отличается от распознавания по всем указанным признакам. Кроме того, при установлении как индивидуального, так и группового тождества при анализе исследуемых объектов для выделения признаков используется процедура узнавания, связанная не с процессом установления (распознавания), а с процессом обозначения. Установив групповое тождество, мы констатируем однородность конкретных, связанных с событием преступления, объектов, т.е. приходим к выводу, что два объекта входят в один класс. Решив задачу распознавания, устанавливаем, что исследуемый объект относится к определенному классу. В первом случае объекты находятся в отношении соответствия друг с другом, во втором – между ними возникает отношение общности.

Н.И. Зейле

ЧЕЛОВЕК ДУХОВНЫЙ В ПРОСТРАНСТВЕ МОРАЛЬНО-ПРАВОВОГО ДУАЛИЗМА

Сразу же оговоримся, что объять необъятное в области отношения морали и права в принципе невозможно, а поэтому зададим методологическую композиционность заявленной темы сообщения.

---

[1] Колдин В.Я. Судебная идентификация. М. : ЛексЭст, 2002. С. 84.

Во-первых, будем считать, что человек как существо историческое и биосоциальное живёт в двух мирах: естественном и искусственном. Его активность представляет сложную интеграцию поведенческой и деятельностной форм. В процессе социализации складывается мир культуры, задающий адаптивно-адаптирующие механизмы взаимоотношения искусственного и естественного. Они определяют самосохраняемость рода *Homo sapiens*, природу морали и права, их утилитарную, а также нравственную составляющую в историческом взаимоотношении. Понимание базового противоречия между искусственным и естественным задаёт различные векторы исследований правоведов и философов права.

Во-вторых, анализ пространства морально-правового дуализма предполагает поиск ответа на вопрос о предназначении человека. Методология вопроса была разработана в немецкой классической философии. Её родоначальник И. Кант, исследуя человеческую природу, выделил следующие её задатки: «1. Задатки *животности человека как живого существа.* 2. Задатки *человечности его как существа живого и вместе с тем разумного.* 3. Задатки его *личности* как существа разумного и вместе с тем *способного отвечать за свои поступки*»[1].

Аналогичные три стадии в развитии человеческого индивида и рода «животное→человек→личность» выделял и анализировал Гегель. Духовность стала связываться с личностной стадией развития человека, наличием в его сознании философско-религиозных и нравственно-эстетических составляющих, задающих экзистенциально-трансцендентальный вектор жизнедеятельности человека.

В-третьих, далеко не всякие формы поведения и деятельности формируют духовный мир личности. Рационально-правовая составляющая идеальных конструкций сознания человека, пребывающего в мире вещей, постоянно сопряжена с анархичностью «коллективного бессознательного»[2]. Символичность человеческих поступков усложняет диалог моральных и правовых норм, привнося в орбиту человеческой жизни всевозможные смыслы, значения, сущности. В этой связи коммуникативные практики выживания человечества с железной необходимостью порождают нормативные механизмы, регламентирующие поступки индивидов. Такая необходимость актуа-

---

[1] Кант И. Религия в пределах разума // И. Кант. Трактаты и письма. М., 1980. С. 96.
[2] Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. С. 95–129.

лизируется при встрече культур, содержащих в себе разные потенциалы традиционных и инновационных ценностей. Морально-правовые механизмы регламентации должны сохранять и воспроизводить созидательно-духовные, а не деструктивные элементы человеческого бытия. Под созидательно-духовной составляющей человека понимаем, прежде всего, его способность и возможность сублимировать всевозможные компоненты культуры, выводящие его из мира эгоцентризма и вседозволенности в мир Свободы, Истины, Добра и Красоты. Думается, что названные модусы человеческого существования теряют своё значение в сфере Любви, задающей целостность человеческому миру, функционирующему на границах взаимодействия субъектов и символов. Необъяснимое словами умение «читать между строк», понимать взгляд «глаза в глаза» рождает жизненные смыслы, которые отличаются от норм тем, что задают скорее направления, а не твёрдые однозначные установки. Овладение юридическими понятиями означает способность определять смысл имён.

И.В. Иванов

О ВОЗМОЖНОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ С ЕГО УЧАСТИЕМ

Теоретический анализ тактико-криминалистической задачи изучения личности подозреваемого (обвиняемого), определение ее структуры и содержания, а также следственная практика показывают, что получаемые в ходе следственного действия сведения могут быть использованы при дальнейшем расследовании по ряду направлений:

– для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, включая мотивационно-смысловую сторону личности подозреваемого (обвиняемого) в контексте механизма преступления[1];

[1] Тазин И.И. Мотивационно-смысловая сфера личности преступника и ее значение в судебно-следственной практике / под ред. Н.Т. Ведерникова. М. : РАП, 2008. С. 130.